

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД НА РУСЬ

МИХАИЛ БРЕДИС, ЕЛЕНА ТЯНИНА

Михаил Бредис

Крестовый поход на Русь

«Алисторус»

2010

Бредис М. А.

Крестовый поход на Русь / М. А. Бредис — «Алисторус», 2010

История Балтии – Литвы, Эстонии, Латвии – несмотря на то что эти страны долгое время входили сначала в состав Российской империи, а затем и Советского Союза, мало известна российскому читателю. Можно с уверенностью утверждать, что для большинства наших современников это белое пятно на карте их знаний. Тем более ценна данная книга профессиональных историков Михаила Бредиса и Елены Тяниной. В ней авторы доступным языком (что, впрочем, не умаляет ее научной ценности) рассказывают читателю о сложном и запутанном, полном политических интриг и кровопролитных сражений начале XIII века, когда на Балтийском побережье столкнулись интересы ордена меченосцев, начавшего крестовый поход против русских и прибалтов, Новгорода, Полоцкого княжества, коренных прибалтийских народов, которые в борьбе с иноземными захватчиками заложили основы своей будущей государственности. Книга будет интересна преподавателям вузов и школ, студентам и всем интересующимся историей. Книга также вышла под другим названием: «Орден меченосцев против Руси. Первый германский поход на Восток».

© Бредис М. А., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Язычество	9
Язычество балтов	15
Пантеон	16
Эпоха викингов в Прибалтике	17
Новгород и Эстония. Два столетия соседства	23
«Кривичи на Двинском пути». Полоцк и прибалтийские земли в XI – XII вв.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Бредис, Елена Тянина

Крестовый поход на Русь

*Uns ist in alten maeren
Wunders vil geseit:
Von helden lobebaeren,
von grôzer arebeit,
Von vröuden hôchgezîten
Von weinen und von klagen,
Von küener recken strîten
Muget ir nû wunder hoeren sagen.*

*(Полны чудес сказанья давно минувших дней
Про громкие деянья бывлых богатырей.
Про их пиры, забавы, несчастья и горе
И распри их кровавые услышите вы вскоре.)
Песнь о Нибелунгах*

Предисловие

В предлагаемой вашему вниманию книге рассказано о том, как немецкие крестоносцы оказались на окраинах русских владений, и о том, как предки латышей, литовцев, эстонцев и русских боролись против их вторжения, заключали с рыцарями союзы, и снова воевали. В книге дан ряд портретов исторических лиц, участвовавших в балтийской драме той эпохи. Речь пойдет о магистрах ордена меченосцев Венно и Фольквине, епископе Альберте, земгальском князе Виестурсе, ливском князе Каупо и других. Авторы попытались восстановить картину крестоносной экспансии в Ливонии, в авангарде которой находился орден меченосцев, понять, что двигало немецкими рыцарями и епископами, русскими и балтийскими князьями и воеводами в бурных событиях того времени. Орден меченосцев просуществовал немногим более тридцати лет, но какое влияние оказал он на последующие события!

С этой точки зрения интересны источники, которыми пользовались авторы. Наряду с псковскими и новгородскими летописями, грамотами, документами ордена меченосцев и тевтонского ордена, папской курии – это Ливонская хроника Генриха Латвийского и орденская Ливонская рифмованная хроника, которая еще не переводилась, за исключением отдельных фрагментов, на русский язык. Эти хроники полны увлекательных, можно сказать, приключенческих сюжетов, показывающих нам происходящее глазами немецких рыцарей и священников. За глухими забралами рыцарских шлемов мы видим лица обычных людей, обуреваемых своими эмоциями, идеями и страстями. Хронисты скрупулезно повествуют о сражениях, о завоевании балтийских земель.

Несмотря на легкость изложения и некоторую степень художественности очерков, в книге присутствует определенная научная новизна. В частности, авторы ссылаются не только на работы российских или немецких историков, но также литовских и латвийских ученых. Кроме того, авторами высказывается ряд интересных гипотез, по-новому освещающих события первой половины XIII века. В приложениях к очеркам вниманию читателя предлагаются также не публиковавшиеся ранее фрагменты Ливонской рифмованной хроники, в авторском переводе. Очерки предназначены всем, кто интересуется историей.

Глава 1

Прибалтика до Прихода немцев

*Sie haben abgote vil
Und trîben bôsheit âne zil.
(Там идолы у них во множестве стоят,
И без конца они там зло творят.)*

Ливонская рифмованная хроника, ст. 0339 – 0340

Археологи не без основания считают, что и финно-угорские, и балтские народы издревле населяли берега Балтики. Ученые спорят о том, были ли племена, оставившие памятники каменного и бронзового веков, прямыми потомками сегодняшних народов Прибалтики. Но не вызывает сомнений, что Прибалтика в меньшей мере, чем другие районы Евразии, была затронута бурными процессами этнических миграций, смешений народов и языков. Не зря балтские языки считаются самыми архаичными из всех собратьев по индоевропейской языковой семье, а преемственность археологических культур в землях прибалтийских финнов прослеживается едва ли не с начала неолита. Так или иначе, но уже в начале нашей эры у берегов Балтийского моря проживали предки нынешних эстонцев, латышей и литовцев. Прибалтийские финны занимали северные области восточной Прибалтики, балты обосновались южнее. Народы очень тесно взаимодействовали между собой, особенно в приграничных землях, смешивались, воспринимали формы хозяйства, культуру и даже религиозные представления друг друга.

Получить знания о древнейшей истории финно-угров и балтов до развития таких наук, как археология и лингвистика, было невозможно. Письменности эти народы не имели, а представления восточных и античных цивилизаций об этом регионе не выходило за рамки фантастических описаний народов-монстров, вроде амазонок и псоглавцев, проживавших на краю Ойкумены. Но древнейшую историю Прибалтики все же удалось хотя бы частично оживить благодаря многолетним и обширным археологическим и лингвистическим исследованиям.

* * *

Прибалтийские финны, предки исторических ливов и эстов, «в древности и Средневековье заселяли западную часть огромного финно-угорского ареала – территорию, примыкавшую к Балтийскому морю». Их языки представляют собой отдельную группу в большой семье финно-угорских языков, уже в древности выделившуюся из нее. Кроме эстов и ливов к ней принадлежат финны, карелы, а также известные по средневековым источникам народы весь, водь и ижора, ныне ассимилированные русскими и утратившие свой язык.

Первые финно-угры появились в Прибалтике еще в начале неолита, принеся сюда типичную для всего финно-угорского мира керамику, благодаря орнаменту получившую название ямочно-гребенчатой. В местных языках остались и следы древнего языка мезолитического населения, заселявшего эту территорию прежде. Настоящую и прямую связь со средневековыми прибалтийско-финскими народами исследователи проводят от культуры текстильной керамики (II тыс. до н.э.), получившей свое название по характерным тканевым отпечаткам на поверхности сосудов. Носители этой культуры пришли на запад в результате второй волны финно-угорской миграции с востока, именно поэтому языки прибалтийских финнов до сих пор близки с угро-финскими языками Поволжья, хотя эти родственные народы отделяют зна-

чительные расстояния¹. И археологи, и лингвисты сходятся во мнении, что своеобразие языка и культуры прибалтийских финнов сложилось благодаря проникновению на часть огромного ареала культур текстильной керамики восточных балтов². Они оставили на значительной части поселений Эстонии, Финляндии, Сев. Латвии и Новгородской земли I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. уже свою керамику, со штрихованной поверхностью, а в языке значительные заимствования, как отдельных слов и понятий, так и грамматических форм. Причем, среди языковых заимствований имеются понятия об общественных и родовых связях, что свидетельствует о смешанных браках, и слова, связанные с земледелием и скотоводством – формами хозяйства, принесенными с балтского юга в финно-угорскую среду охотников и рыболовов.

Лингвисты относят языки ливов и эстов к западной ветви прибалтийско-финских языков. Точно так же четко выделяется западный ареал прибалтийских финнов и археологами. В западной части (южное и западное побережье Финляндии, Эстония, Сев. Латвия) с VIII – VII вв. до н.э. население начинает хоронить умерших в каменных курганах, что было несвойственно остальному финно-угорскому миру. В основании этих курганов устраивалось один или несколько концентрических кругов из валунов. Внутри для захоронения строился каменный ящик, сверху засыпался камнями и землей. Традиция сооружать каменные курганы пришла из Скандинавии. Вместе с новым типом могил в языки этого населения проникает целый ряд северогерманских слов, в том числе и религиозных понятий, связанных с культом предков и представлениями о загробном мире³. В начале нашей эры из каменных курганов развиваются каменные могильники с оградками, известные повсеместно в Эстонии, Сев. Латвии и части Финляндии. Выложенное крупными валунами и плитами пространство заполнялось мелкими камнями, и в эту своеобразную гробницу ссыпались остатки сожженных тел умерших. Каждая оградка была родовой усыпальницей общины на протяжении нескольких столетий, а сами могильники использовались еще более длительное время – к оградке пристраивалась другая⁴.

Эсты в середине I тыс. н.э. жили практически на тех же землях, где в нынешнее время существует Эстонская республика. И как единый народ они сформировались намного раньше латышей и литовцев. Археологические находки свидетельствуют, что культура эстов уже с V века отличалась единством. Хотя и русские летописи, и Генрих Латвийский выделяют в Эстонии несколько исторических областей, это деление было скорее административным, чем племенным. Даже эсты о. Сааремаа, именовавшие себя саамами, в материальной культуре мало чем отличались от континентальных соплеменников. А вот своим именем эсты обязаны соседям – балтам. Происходит оно от эпонима «айсты», «эстии». Так, начиная с римского историка Тацита (I в.) и кончая англосаксонским путешественником Вульфстаном (IX в.), называли балтские народы, жившие на побережье Балтийского моря и занимавшейся добычей янтаря, который в указанное время был одним из важнейших предметов прибалтийской торговли с южными странами. Описание области расселения и быта эстиев прямо указывает на то, что авторы имели в виду западных балтов, а не финно-угров. Но закрепилось это имя впоследствии именно за прибалтийско-финским народом, проживавшим к северу от эстиев Тацита и Вульфстана. Такое заимствование в ранней истории не редкость, если народы живут по соседству и тесно взаимодействуют. Возьмем хотя бы этноним «русь», восходящий к финно-угорскому названию шведов «ruotsi» (эстонцы и финны так называют шведов и по сей день) и первоначально не имевший ничего общего с восточными славянами.

Эсты уже в начале нашей эры были земледельческим народом, несмотря на суровую природу края и неплодородные почвы. Причем, уже с начала II тыс. н.э. в их хозяйстве преобла-

¹ Седов В. В. Прибалтийские финны // Финны в Европе VI – XV вв. М., 1990. С. 12.

² Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987. С. 13.

³ Седов В. В. Прибалтийские финны... С. 16 – 17.

⁴ Археология СССР. Финно-угры и балты... С. 16.

дает паровое земледелие, а основное место среди выращиваемых культур занимает менее прихотливая рожь. В северной, центральной и западной Эстонии было развито и скотоводство. Селища, на которых жила основная масса населения, возникали в удобных для земледелия местах. Поселения состояли из нескольких отдельных домохозяйств, которые образовывали деревню. На подворьях археологи обнаруживали остатки зимних отапливаемых помещений с печами-каменками в углу, так и летних построек с открытым очагом. При возникновении опасности искали спасения как в природных убежищах – лесах, болотах, пещерах, островах, так и на укрепленных поселениях (городищах), первые из которых возникли еще в конце бронзового века. На севере, юге и востоке Эстонии преобладали городища с естественной защитой – на высоких холмах с крутыми склонами или узких мысах при слиянии рек. Таковы, например, известные немецким хронистам и русским летописцам крепости Отепя (Медвежья Голова), Вильянди, Рыуге. Жители Западной Эстонии и островов возводили свои укрепления в основном на небольших всхолмлениях, окружая их круговыми валами. Особенностью градостроительного искусства эстов было усиление оборонительных конструкций за счет сооружения не только земляных или песчаных, но и каменных валов. Причем на севере и западе края такие сооружения строились из плитняка по способу «сухой кладки», то есть без применения раствора⁵. Возможно, именно это обстоятельство послужило основой для помещенного в начальную часть Хроники Генриха Латвийского фантастического сообщения о том, как земгалы пытались свалить в Даугаву каменную башню замка Икшкиле, думая, что камни в ней не скреплены раствором. Кстати, именно по той же технологии была сооружена и открытая археологами древнейшая каменная крепость в Ладогe⁶. Наиболее крупные и удобно расположенные городища постепенно превращались в протогорода – торгово-ремесленные поселения, центры земель и округов. Возникновение таких территориальных объединений – кихелькондов – начинается уже в V – VIII вв. Они состояли из нескольких сельских общин, в которых происходило выделение знати. О последнем свидетельствует появление именно в этот период богатых погребений с оружием и украшениями, возникновение первых городищ-замков и появление кладов⁷.

Материальная культура эстов еще до начала эпохи викингов развивалась в тесном взаимодействии с соседними народами, прежде всего с латгалами и земгалами. На территории Эстонии археологи находят латгальские и земгальские украшения и предметы вооружения, которые могли попасть туда как с развитием обмена, так и вследствие династических браков (к примеру, у балтов существовал обычай обмена оружием между женихом и отцом невесты при брачном сговоре). У эстов, живших на побережье Балтийского моря и на острове Сааремаа, были тесные связи с финнами и скандинавами.

⁵ Селиранд Э. Эсты // Финны в Европе VI – XV вв. Вып. 1. М., 1990. С. 119 – 129.

⁶ См.: Киртичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.

⁷ Э. Селиранд. Эсты. С. 126 – 129.

Язычество

Языческие представления эстов сохраняются до сих пор в народных песнях, предметах народного искусства. Таковы магические урожайные песни, плачи, некоторые погребальные обряды, сказания, пословицы, загадки, элементы народного орнамента и др. По всей территории Эстонии сохранилось много жертвенных камней, остатки священных рощ, некоторые из которых почитаются до сих пор. Древние эстонские верования возможно восстановить и благодаря эпическим произведениям, в которых главное место занимает поэма *Kalevipoeg* (Калевипоэг). Это эпическое стихотворное произведение, состоящее из 20 песен, было составлено эстонским ученым Фридрихом Крейцвальдом наподобие финской Калевалы на основе народных сказаний. Оно повествует о легендарном национальном герое эстонцев Калевипоэге, сыне великана Калева, что покоится, по древним сказаниям, под таллиннским Вышгородом (Домбергом), насыпанным над ним из камней его женою Линдой. От имени Калева (Калевайнен) происходит древнее название Таллина – Колывань.

Жреческого сословия у эстов не было. Старший в роде или отец семейства был одновременно и жрецом, совершал обряды и приносил жертвы за себя и членов семьи, общинные жертвы приносили старейшины. Жертвы складывали в священных местах или в стволах деревьев. Жертвенными местами были, прежде всего, священные рощи (в основном – дубравы), а также холмы, камни, ручьи, деревья или другие священные места. Священная дубрава – это небольшой отдельно стоящий перелесок, где кроме основного священного дерева могли расти и другие деревья. В Хронике Генриха упомянута священная роща в Виронии, где, по преданию, родился верховный бог эстов Таара. В священной роще нельзя было рвать листья с дерева, подбирать что-либо с земли на расстоянии, куда доходила тень от деревьев. Собрать немного листьев или ягод можно было только для больного человека. Считалось, что они имеют лечебное свойство. В простых случаях было достаточно пожертвовать ленточку или шнурок. Во время болезни, чтобы скорее выздороветь, на священные деревья повязывали ленточку или ткань. Этот обычай, по всей видимости, относился еще ко времени финно-угорского единства. До сих пор он фиксируется у финно-угорских народов Поволжья – мари и мордвы. Часто местами жертвоприношений были ручьи и источники. У них также просили помощи во время болезней. Особенно помогали источники при болезни глаз, поэтому многие источники и назывались у эстонцев глазными источниками. Считалось, что вода из источника поможет только в том случае, если источнику пожертвовать немного серебра, соскобленного с серебряной брошки. Из источников воду возили к больным на большие расстояния.

Обычными жертвенными местами были камни, которые могли быть как жертвенником, так и собственно объектом поклонения. На камнях выкладывали пищу, другие дары или сжигали жертвенных животных. Особенно почитались крупные валуны, имевшие очертания человека или животного, а также камни-«следовики» и камни с естественными углублениями на внешней поверхности. Такие камни часто имели имена собственные. Культ камней у прибалтийских финнов, возможно, связан с распространенным у северных народов мифом о связи камней с появлением человека. По нему первая пара людей прыгала через камни, которые при этом превращались в их детей. У прибалтийских финнов известны и так называемые «идолы» – каменные антропоморфные статуи, хотя точно неизвестно, были ли они изображением богов, домовых или умерших предков (последнее зафиксировано у родственных эстам и ливам угрофинских народов Урала и Сибири).

Языческий пантеон эстов относит их язычество к формам «природной веры», то есть почитания и обожествления природных явлений. Основным отличием этой веры от книжных, монотеистических религий было не столько в многобожии, как часто считают, сколько в вере в сакральность (божественность) явного мира, любое проявление которого (природа, стихия,

животный мир) могло стать проявлением Божества. Верховным божеством считался Jumala – божество неба. Но основным почитанием пользовался Бог-Громовержец Таага (Tого, Tagarit и т. п.). В культе этого божества, пожалуй, наиболее четко отразилось срединное положение эстов между скандинавским и балто-славянским мирами. Его имя схоже с именем скандинавского Тора, и возможно, было заимствовано у северных германцев еще в далекую эпоху вместе со строительством каменных курганов. Однако по своим функциям эстонский Таара ближе к балто-славянскому Перкуну-Перуну. Не зря другое из сохранившихся имен эстонского Громовержца – Персел. Он не только и не столько Бог войны, как у воинственных скандинавов, он управитель солнца, по-видимому, был хранителем пашен и подателем урожая. Известно и еще одно именование Тара – Укко, означавшее просто «дедушка». Такое обращение к Верховному Богу довольно распространено и у других народов. В нем почтительное обращение, связанное с почитанием старейших сочеталось с обычными запретами произношения вслух сакральных имен и языческими представлениями о несотворенном, а порожденном божественной силой мире. Поклонение Таара совершалось в священных рощах (дубравах), под звуки посвященного ему инструмента – Тогарит, аналогичного волынке. По Хронике Генриха Латвийского известно, что у этого бога (в ней он назван Тарапита) было изображение – статуя, стоявшая на о. Сааре-маа, которая была разрушена после покорения острова крестоносцами в 1228 г. Это единственное свидетельство о существовании у эстов статуй божеств. Хотя, быть может, на Сааремаа существовал единый культовый центр Таара, подобный балтской Ромове, и изображения было разрешено ставить только там. Отголоски почитания Таара сохранились в молитве эстонских крестьян, известной по источникам XVII века: *«Дорогой Гром, мы жертвуем тебе рогатого быка и молим тебя о благополучии нашей пашни и нашего посева... Святой Гром, береги наши поля, чтобы они принесли добрый колос и доброе зерно»*⁸. Как и положено порядочному языческому божеству, Таара имел семью и потомство, совместно с которым управлял миром. Среди них богиня Jutta – королева птиц. Известны и сыновья Укко – Кõи и его брат Pikker, также божества, связанные с громом и грозой.

А вот в почитании морской стихии эсты существенно отличались от восточных соседей. Море для населения побережья Балтики, и особенно для островной Эстонии, было одновременно и источником всех благ и богатств, и неизведанной грозной и опасной стихией, изначально чуждой человеческому миру. Потому Ahti, бог моря, богаче всех существ, но за богатый улов он требует себе в дань людей. Такие представления существовали практически у всех народов, тесно связанных с морем, так как разбушевавшаяся водная стихия действительно часто забирала людские жизни. Морское божество – единственное, кому достоверно приносились умиловительные человеческие жертвы. Еще профессор В. Ф. Миллер видел в боге Ahti и финском эпическом герое и покровителе песен Ванемуйне прототипы наших былинных Садко и морского царя⁹.

В Kalevipoeg встречаются следы почитания небесных светил, луны и солнца, наделенных божественной силой и постоянно сражающихся с силами тьмы. Известна и традиционная для всех народов богиня земли Мааема (Мать-земля). С земледельческим культом связаны и Rugutaja – божество ржи и женских работ, которого считают также богом ветров, впоследствии ставший покровителем города Нарвы и Реко – бог плодородия и пивоварения.

К богам хтоническим (темным, подземным) относятся Hämarik – богиня мрака, по мифу вступающая ежедневно в любовную связь с Койтом – богом зари, рождая смену дня и ночи. Бог леса Metsa isa, Metsik, имеющий власть над скотом, в честь которого весной совершались празднества с песнями и плясками. Его культ очень схож с культом восточнославянского Велеса, при этом последний особенно был распространен на землях, где славяне ассимилиро-

⁸ Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве //СА № 4. С. 91 – 101.

⁹ См.: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897 – 1910; М.-Л., 1924. Т. 1 – 3.

вали финские народы, и, видимо, является исконным как раз для них. Воззрения на загробную жизнь у эстов развиты сильнее, чем у финнов. Тела умерших сжигали вместе с сопутствующими вещами, реже практиковалось трупоположение. Похороны сопровождалась плачами, причитаниями, пением погребальных песен. Воина, вождя, главу семьи или рода хоронили вместе с оружием и орудиями труда, а иногда вместе с рабами или слугами. По древнему верованию, души умерших покоились на месте их погребения. Загробный мир, по представлениям эстов, состоял из двух царств: небесного и земного. Небесное жилище находится в лоне Укко, куда попал герой эпоса *Kalevipoeg*, созерцая богов в вечной радости и счастье. Царство смерти, *Manala* или *Tuonela* – место, окруженное со всех сторон ужасной рекой, совершенно схожее с землей, с лесами, полями и горами, но лишь в страшном виде, заселенное хищными, дикими зверями. Владыка загробного мира – ни добрый, ни злой *Tuoni*. Эпос подробно описывает похождения Калевипоэга в царстве мрака. Но хуже всего стать после смерти блуждающей душой, не попадающий в мир мертвых. Так случалось с душами умерших, которым не совершили должного погребения. Последнее представление находит подтверждение в Хронике Генриха, как эсты, потеряв много убитых в битве с лэттами, не побежали их догонять, а «много дней они в печали собирали трупы убитых лэттами и сжигали их в огне, справляя похороны по своему обычаю с плачем и пирами».

Доктор Ф. Р. Крейцвальд в свое время записал космогоническую сагу, в которой «дедушка», творец мира и героев Ванемуине, Ильмаринена и Леммекюне, говорит, что он не может уничтожить зло, которое есть мера добра. С другой стороны, властитель загробного мира совершенно не касается злых существ. Вследствие этого древний эст не чувствовал своей зависимости от высших сил.

* * *

Территория южнее расселения эстов, долина р. Гауи, нижнее течение Даугавы и Северная Курземе еще в начале нашей эры была балто-финским пограничьем со смешанным населением. Только к X веку здесь сложилась яркая своеобразная археологическая культура дивов, испытывавшая сильное влияние балтов.

Свое имя Ливония получила от довольно сильного и многочисленного народа ливов, населявших этот край. Автор Ливонской хроники, изданной в 1578 году, Бальтазар Русов подчеркивает, что ливы «от начала времен были старейшим народом и старейшими жителями этой земли и еще теперь считаются таковыми». Как народ ливы сумели на протяжении веков сохранить себя и свой язык, хотя и оказались к концу XX столетия на грани исчезновения.

Сами ливы называют себя «ливлист», «калами-ед» («рыбаки»), рандалист («береговые жители»). Ливский язык относится к южной ветви прибалтийско-финской группы финно-угорской языковой семьи. Ближайшие родственники ливам по языку – эстонцы. В эстонском языке ближе всего к ливскому находятся южные говоры. По мнению финских и эстонских исследователей, ливский язык одним из первых выделился из общего финского языка-основы примерно в первые столетия нашей эры. По данным Информационного центра финно-угорских народов, в наше время ливским языком как родным владеют в совершенстве менее 10 носителей, около 40 человек лишь с трудом могут на нем изъясняться. В общей сложности примерно 230 человек считают себя ливами.

По данным латвийской исследовательницы ливов Гундеги Блумберг, в 1998 году в Риге жило всего две женщины, которые выросли в ливской среде, с детства говорили на родном языке и с возрастом не утратили его¹⁰. К сожалению, сейчас их уже нет в живых. В настоящее время ливы в значительной степени ассимилированы латышским народом. Можно смело

¹⁰ См.: Rīga-800. Gadagrāmata. 1998. Latvijas kultūras fonds. Rīga, 1999. Lpp. 40 – 45.

считать, что в жилах многих потомков рижских рыбаков течет кровь древних ливов. Соответственно, многие слова в современном латышском языке восходят к ливскому.

До прихода крестоносцев ливы населяли морское побережье Северной Курляндии и низовья Даугавы и живописную долину Гауи.

Ливы, жившие по Даугаве, поддерживали контакты со многими народами. Их земли находились как раз на большом торговом пути, из Балтики в Русские земли и далее. Река Ридзене, впадая в Даугаву возле поселения, образовала удобную гавань. Торговцы с Готланда, шведы, а затем немцы были нередкими гостями в краю ливов. Некоторые даже селились вместе с ливами возле Риги. Здесь задолго до основания немецкой крепости Риги существовало немецкое торговое поселение.

В описываемое время, то есть к концу XII столетия жизнь ливов была простой и суровой. Они жили деревнями, не зная каменного строения и зачастую не имея вообще никаких укреплений вокруг своих поселений. Ливы жили достаточно разобщенно, к концу XII века они так и не создали единой культуры. Курземские ливы довольно сильно отличались от гауйских или даугавских. Из источников известно, что земли ливов формально зависели от Полоцка. Русским племенной союз ливов был известен давно. В «Повести временных лет» автор записал: «А се суть инии языци иже дань даютъ Руси: чюдъ, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нерома, либь: си суть свой язык имуще, от колена Афетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ.» Под именем либь здесь фигурируют ливы.

К варианту культуры ливов археологи относят и культуру народа вендов Хроники Генриха, памятники которой обнаружены в окрестностях Цесиса. Сам Генрих считал вендов не ливами, а отдельным народом, вытесненным куршами. Следует отметить, что имя «венды» явно восходит к известному в позднеимское время и эпоху переселения народов эпониму «венеды». Так первоначально собирательно называли народы южной и восточной Прибалтики (в основном, северных славян), ведущие торговлю янтарем. Интересно, что современные эстонцы вендами (*vene*) называют русских.

* * *

Имя балты родилось в кабинетах ученых-лингвистов примерно в середине XIX века для обозначения народов, говоривших на одной из ветвей индоевропейских языков, из которой до наших дней живыми сохранились только литовский и латышский, а также исчезнувший к началу XVIII века древнепрусский в виде письменных текстов. Впоследствии это название укрепилось и в других науках, занимающихся изучением прошлого. О том, каково было общее самоназвание балтских народов, и было ли оно вообще, можно только догадываться. Литовский археолог Мария Гимбутас предположила, что таковым мог быть эпоним «*aesti*», «*aisti*», «*aestorum gentes*» (эстии, айсты), хотя другие исследователи относят это имя исключительно к западным балтам. В древности территория расселения балтийских племен была гораздо больше и простиралась далеко на восток от нынешних границ Латвии и Литвы, занимая все верховье Днепра и доходя до бассейнов Оки и Сейма. Они довольно рано разделились на восточную и западную ветви. Западные балты, жившие вблизи морского побережья и включенные еще в римское время в международную торговлю по янтарному пути, значительно обгоняли экономически своих восточных собратьев, живших вдали от торговых магистралей и ведущих хозяйство в нелегких условиях восточноевропейской лесной зоны. С VI по X век восточные балты оказались практически повсеместно ассимилированы или вытеснены к западу славянами. Сохраниться сумели лишь самые западные из них – латгалы и литва. Именно они впоследствии дали имена двум сформировавшимся в позднее Средневековье и существующим поныне балтским народам – латышам и литовцам. Судьба западных балтов была иной. Многолетняя германизация, а подчас и физическое истребление пруссов уничто-

жили этот народ к концу XVII века, даже имя его присвоили немецкие колонизаторы прусского края. Их южные соседи ятвяги или судувы были большей частью славянизированы, как и их восточные собратья. Остальные западные балты к XV – XVI вв. влились в состав литовского и латышского этносов.

Археологические находки свидетельствуют, что хозяйство балтов было земледельческо-скотоводческим. В восточных областях (в особенности, у латгалов) значительную роль играла охота. О развитии ремесел можно судить по находкам бытовых предметов и украшений в погребениях и на поселениях. Особенно интересны наборы женских металлических украшений. Балты, не имевшие собственного цветного металла, уже к середине I тыс. н.э. были искусными мастерами по его обработке. Каждый племенной союз имел свой набор украшений и свой погребальный обряд. К примеру, литовцы сжигали своих умерших и насыпали над ними курган, жемайты и земгалы, напротив, с V века хоронили в земле без каких-либо наземных сооружений, причем мужчин и женщин клали головами в противоположные стороны. Жители центральной Литвы, которых часть археологов сопоставляет с древними аукштайтами, вместе с сожженным прахом хоронили коня, а ятвяги (судувы) имели курганы, выложенные из камней. Погребения куршей отличались разнообразием. Они хоронили в бескурганных могильниках, как по обряду кремации, так и трупоположения¹¹. Практически повсеместно в мужских погребениях балтов встречается оружие. Копья, мечи, щиты, боевые топоры, наконечники стрел, – такое вооружение балтов описывают встретившиеся с ними в XIII веке немецкие и русские хронисты.

И такими же предстают нам балтские воины по археологическим данным. Чем далее на юг и запад, чем серьезнее военная угроза от сильных соседей, тем больше оружия в погребениях, тем оно разнообразнее. Железных доспехов воины-балты не носили. Их заменял доспех из плотной кожи, часто ни в чем не уступавший по прочности железнному, но меньше сковывавший движение воина. Юго-восточные балты – ятвяги и литовцы славились быстрой, легкой конницей, а поморские народы курши и самбы уже в эпоху викингов имели сильный флот. Среди поселений балтов выделяются городища, сеть которых довольно густо покрывала всю территорию их расселения уже к середине I тыс. н.э. Балтские понятия «pilis», «pils» имеют общий индоевропейский корень с греческим «полис» и означают то же самое, что и русское «город» – укрепленное поселение.

Обычно они создавались на высоких естественных или искусственных холмах вблизи рек. Нередко такие городища-замки окружались посадками или кустами деревьев – селищ. Отдельные балтские народы, которые были известны русским летописцам и которые застает в Прибалтике Генрих Латвийский, сформировались примерно к V веку н.э. Земгалы, жемайты и седы считаются выходцами из единой культуры со сложным названием: культура курганов с каменными венцами, существовавшей в центральных областях Прибалтики в I – V вв.¹² Из них наиболее древнее упоминание в письменных источниках осталось о селлах. На римской путевой карте, известной под названием Певтинговой (кон. III – нач. IV вв.) обозначена «*fuoius Sellianus*» – «река селов», которую исследователи отождествляют с Даугавой¹³. Действительно, селы в указанное время занимали земли как на левобережье, так и на правобережье этой реки, но впоследствии были вытеснены с правого берега Даугавы латгалами, а на левобережье – латышской земле Аугшземе испытали сильное влияние их культуры. Земгалы впервые были упомянуты в перечне неславянских народов начальной части «Повести временных лет», а в XI в. этот народ хорошо известен по скандинавским источникам. А вот жемайты появляются на

¹¹ Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. С. 354 – 411.

¹² *Атгазис М. К.* Вопросы этнической истории земгалов// Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига, 1980. С. 89 – 101.

¹³ Археология СССР. Финно-угры и балты... С. 365.

страницах письменных источников лишь в середине XIII века. Объясняется это, вероятно, тем, что материальная культура земгалов и жемайтов оставалась очень близкой вплоть до образования литовского и латышского народов. Даже имена этих народов в литовском и латышском языках звучат очень близко и означают одно и то же – «жители равнинного края, низменности». Фактически различались они лишь тем, что земгалы вели свою торговлю по Даугаве, а жемайты ориентировались на Неман. Интересно, что Генрих Латвийский, хорошо разбирающийся в этнической картине Прибалтики, жемайтов не знает вовсе. Почему-то принято считать, что он не отличал их от литовцев, хотя близость культур и этнических наименований скорее должны говорить о том, что он не отличал их от земгалов. Тем более что в начале XIII века жемайты в состав Литвы еще не входили, а этнически эти балтские народы были довольно далеки. Жемайты в Литве до сих пор во многом сохраняют свою самобытность, а их архаичный диалект давно стал предметом пристального интереса лингвистов.

Из восточных балтов после славянской колонизации «уцелели» лишь два народа. Латгалы, жившие в восточной Латвии и на юго-западе современной Псковской обл. России, когда-то были сильным и довольно воинственным народом. Археологические данные свидетельствуют, что, начиная с VII века, латгалы ведут постоянный, и, видимо, далеко не мирный, натиск на земли соседей. За полтора века им удалось занять часть восточных земель ливов, отодвинуть значительно на север границу расселения эстов. А родственный латгалам балтский народ селы был совершенно вытеснен ими с правобережья Даугавы, да и на левобережье археологи фиксируют чересполосное проживание селов и латгалов, причем последние постепенно начинают доминировать. Археологические раскопки в землях самих латгалов также рисуют нам образ далеко не бедного земледельческого племени, притесняемого набегами соседей, каковыми их считает Генрих Латвийский. Южнее латгалов и селов проживали литовцы – родственные латгалам восточные балты. Впервые имя этого народа упомянуто в Квендинбургских анналах под 1009 годом. Археологи же связывают с ним культуру восточнолитовских курганов, сформировавшуюся в V в. Они хоронили сожженные останки своих соплеменников под курганными насыпями. Основная часть населения жила на селищах и занималась земледелием и скотоводством. Особенно отмечено почитание литовцами коней, известны даже отдельные конские погребения. Городища литовцев VI – VIII веков в основном представляли собой убежища для защиты от врага, постоянного населения в них не было. В этот же период в погребениях мужчин обычно встречается оружие, хотя и не в таком количестве, как у западных балтов¹⁴.

¹⁴ Археология СССР. Финно-угры и балты... С. 390 – 395.

Язычество балтов

*Я начинал свои работы с помощью матери
Лаймы и заканчивал, поминая Бога Богов.
Материалы для этнографии Латвии, заговор № 526*

О язычестве балтов мы знаем не только из записей средневековых историков и миссионеров и археологических раскопок. Живая традиция сохранилась в устном народном творчестве самих латышей и литовцев – заговорах, легендах, бывальщинах, а особенно в древних песнях – дайнах. Язычество в Прибалтике оказалось на редкость неистребимым. Авторы XVII – XVIII веков, посещавшие Прибалтику, писали об удивительной живучести старых традиций. Балты, как и другие язычники, наделяли божественным началом окружающий их реальный мир. Они обожествляли стихии, космические и природные объекты, очень сильно был развит культ предков. Но наиболее верно их можно определить как огнепоклонников. Огонь считался главной святыней, ибо был источником жизни и стихией, связующий небо и землю. Возжигание огня приравнивалось к творению мира богами.

По литовскому мифу земной огонь был даром Бога-Громовержца и произошел от посланной им на землю молнии. Интересно, что этот миф вполне совпадает с данными современной науки о начале использования огня древними людьми. Наибольшей святостью обладал негасимый огонь, который зажигался из дубовых бревен на святилищах и постоянно поддерживался специальными жрицами-девственницами, аналогичными римским весталкам (в Литве они носили имя *vaidelute*). А в каждом доме горела частичка божьего дара – огонь домашнего очага. Осквернение огня было святотатством. В огонь нельзя было плевать, бросать мусор, первая ложка кушанья выливалась хозяйкой в печь, как жертва огню. До сих пор в литовском языке имя огня очага – «*gabija*» имеет второе значение – «святыня», а слово «*užkurti*» означает одновременно «творить» и «зажигать огонь».

Особым почитанием пользовались и священные рощи, в основном дубовые или липовые. Они считались обиталищем Богов, в них нельзя было рубить и портить деревья, запрещалось входить туда с оружием и проливать кровь. Святилища балтов обычно располагались в таких рощах или на холмах, часто вблизи родников (родниковая вода, как и огонь, почиталась чистой стихией) и представляли собой каменные жертвенники (*лит. aukuras*), на которых возжигался огонь и приносились жертвы. Вопреки расхожему мнению, у нас нет прямых свидетельств человеческих жертвоприношений у балтов. Описания источниками религиозных ритуалов литовцев, латышей и пруссов рассказывают о приношении плодов земледелия и животных, а также части военной добычи. Повсеместно были распространены гадания на внутренностях и костях жертвенных животных и ритуальная трапеза, то есть преломление пищи с богами. «Вся их религия есть сплошное обжорство и пьянство», – с негодованием восклицает один из миссионеров, описывая обряды прибалтийских язычников. Признавая практику приношения людей, мы, таким образом, неизбежно обвиняли бы балтов в людоедстве. Человеческие жертвы приносились лишь в исключительных случаях, для умиловления разбушевавшейся стихии, в особенности морской, считавшейся опасной и чуждой людскому миру. В христианских источниках человеческие жертвы часто путают с казнями, которым зачастую подвергали и миссионеров, и пленных крестоносцев. Они действительно совершались с применением особых ритуалов, дабы умерщвляемый не превратился в упыря и не продолжал вредить живым после смерти, но все же это явление скорее политической, чем религиозной жизни.

Пантеон

Пантеон балтских богов был довольно разнообразен, но основные божества, почитавшиеся всеми балтами выделить несложно. Отмечают наличие некоего высшего божества, Бога Богов, которого обычно называли просто Бог (лат. *Dievs*) или Верховный Бог (лит. *Anadiavas*). Он считался отцом всех других богов, восседающим на небе и оттуда наблюдающим за всем, что происходит на земле. Наиболее почитаемым был бог-громовержец Пяркунас (Перконс), культ которого, несомненно, возник еще в период балто-славянского единства, так как у славян ему соответствует Перун. Он считался подателем плодородия земли, покровителем воинов и княжеской власти, защитником от нечисти и дарителем главной святыни – огня. Его представляли в виде грозного мужа с длинной косматой бородой и в красном одеянии (цвет огня и жизни), разъезжающем по небу на огненной колеснице и поражающем нечистую силу топором или громовыми стрелами. У латышей сохранилась песня, где к Перконсу обращаются в уменьшительно-ласкательной форме Перконити (т.е. Перкунчик, Перкунушка, Перконс-голубчик):

Pērkonīti, Pērkonītī,
Ej garām šai vietai,
Nedar skātes mājīņai,
Ne manai druviņai.

(Проходи, Перконс-голубчик,
Мимо моего двора,
Не задень мою избушку,
Нивушку не повреди.)

Небесной супругой Перконса считалась Лайма – богиня счастья и материнства, покровительница рожениц и женских работ. Слово «*laime*» в литовском и латышском языках означает «счастье». Когда рождался человек, Лайма определяла его судьбу, какой будет его жизнь. Рядом с Лаймой у колыбели новорожденного стояли также богини судьбы – Декла и Карта. Не меньшим почтением пользовался бог растительности и земных плодов Патримпас, который изображался с зеленью на голове и которому посвящались весенние праздники, богиня земли Жямина и ее супруг Жямепатис, дочь Пяркунаса, богиня солнца Сауле, подательница тепла и света и покровительница сирот. Ипатьевская летопись упоминает о литовском боге-кузнеце Телевялисе, сковавшем небесные светила.

Хтоническими, то есть имевшими отношение к нижнему миру и культу умерших, считались хозяйин преисподней Патолос или Поклус, богиня смерти Гильтине (у латышей – Мара) и бог царства мертвых Велс или Вяльняс (культ последнего зафиксирован только у восточных балтов и очень схож с культом славянского Велеса). Польский историк М. Стрыйковский, описывая один из весенних обрядов литовцев и пруссов, говорит всего о пятнадцати основных богах пантеона, во славу которых участники трапезы пили пиво. Источники свидетельствуют и о том, что для балтов не было характерно изображать своих божеств в виде идолов. Лики трех основных Богов балтского пантеона – Пяркунаса, Патримпаса и Патолоса можно было узреть лишь в одном-единственном месте – главном культовом центре балтов Ромове, находившейся в прусской области Натангии, близ современного г. Черняховска Калининградской обл. Однако и там главной святыней считались не сами изображения, а священный дуб, в который они были неким хитрым образом «вмонтированы». Несомненно, дуб-великан символизировал Мировое Древо, ось мироздания, соединявшую Верхний, Средний и Нижний миры, правителями которых были упомянутые три главных бога.

Эпоха викингов в Прибалтике

Эпоха викингов взорвала родоплеменной строй на всем северо-востоке Европы. На смену племенным центрам приходят полиэтнические торгово-ремесленные поселения, на смену племенным союзам – первые государства. Суровый северный край, у которого не было никаких шансов для возникновения земледельческой цивилизации, вышел из небытия доисторического периода благодаря развитию промыслов и торговли. Викинги – это не только пираты и грабители. Это первопроходцы торговых путей Восточной Европы, это первые предприниматели на ее бескрайних суровых просторах, это экспортеры культурных и хозяйственных достижений.

Вместе с их кораблями распространялись технологии ремесленного производства, приемы прикладного искусства, строительства городов и мореплавания. Некоторые современные археологи и историки, занимающиеся этой эпохой, употребляют термин «циркумбалтийская цивилизация», и основателями этой цивилизации были торговцы-воины, торившие своими кораблями водные пути. Особенность циркумбалтийской цивилизации в том, что она не была земледельческой. Основным богатством севера была пушнина, ставшая эквивалентом денег. В южных странах меха ценились как предметы роскоши, арабские и византийские купцы меняли их на серебро, и эта международная торговля приносила купцам-викингам не меньше выгод, чем грабительские набеги.

В Киевской Руси такие слова, как «куна» (шкурка куницы) или «веверица» (беличья шкурка) обозначали денежные единицы, имевшие весовой эквивалент в серебре. Предприимчивые викинги были и торговцами, и воинами. Чтобы превратить торговый корабль в военный, достаточно было только одеть на его нос устрашающее изображение головы сказочного дракона, исполненного в знаменитом терратологическом (зверином) стиле. И купцы тотчас превращались в пиратов и обрушивались на окрестные поселения с опустошительными набегами. В языке эстонцев и финнов, часто страдавших от набегов викингов из Скандинавии, понятия «шведы» и «пираты» были синонимами и обозначались одним словом «ruotsi» (от северогерманского «robs» – «гребные воины»).

Эпоха викингов стирала любые этнические и религиозные различия. На одном дракаре могли плыть скандинавы, славяне и финно-угры; язычники и христиане разных толков. Ценилась лишь верность клятве, принесенной конунгу, воинская выучка и отвага. А к великому культурному достижению эпохи викингов, принципу «исповедуй свою веру, но не оскорбляй чужую», человечество вернулось лишь в новейшее время, провозгласив одной из основных демократических свобод свободу совести. Из эпохи викингов вышли многие традиции европейской рыцарской культуры. Да и все государства Балтийского региона как из колыбели вышли из эпохи викингов и в той или иной степени унаследовали ее обычаи и достижения. Возврата к родоплеменному строю быть уже не могло. Племенная замкнутость была разрушена, на смену переделу этнических территорий эпохи переселения народов приходили государственные интересы и борьба за установление контроля над торговыми путями.

Восточная Прибалтика и ее жители не остались в стороне от процессов, происходивших по всей Северной Европе, начиная с VIII века. Прежде всего, это касалось народов, проживавших у моря или на важнейших речных торговых путях, осваиваемых викингами. Раньше всех в международную торговлю включились курши и самбы, уже имевшие такой опыт в эпоху функционирования «янтарного пути». На землях этих народов находят предметы далекого восточного и южного импорта, а также свидетельства посещения торговых гаваней скандинавскими и датскими купцами. Со скандинавами и балтийскими славянами начинают торговать и приморские эсты.

Со второй половины VIII века начинается освоение викингами речных торговых путей Восточной Европы, в которое помимо скандинавов вовлекаются и населявшие эти террито-

рии народы. На будущих землях Киевской Руси возникают первые торгово-ремесленные поселения, в которых скандинавское население соседствовало со славянским и финно-угорским. Для Прибалтики значительную роль сыграло появление таких центров, как Изборск, Псков и Полоцк. С основанием этих городов ключевую роль начинает играть торговые пути, связывающие их с Балтийским морем. Один из них шел из Пскова через Восточную Эстонию и Северную Латгалию (Толову) в бассейн р. Гауя, другой был проторен от Полоцка по Западной Двине. Это привело к включению в циркумбалтийские контакты уже континентальных районов Восточной Прибалтики. И на морском побережье, и на внутренних торговых путях возникают типичные для эпохи викингов торговые места или открытые торгово-ремесленные поселения, население которых были многэтничным и занималось ремеслами и международной торговлей. Таковыми, например, были городище Даугмале на границе расселения ливов, латгалов и земгалов, Ерсика в латгальско-селонском порубежье, Тартуское городище и Колывань (древний Таллинн) в Эстонии, Гробине в земле куршей (близ Лиепай). Предметы прибалтийского происхождения находят на Готланде и в центральной Швеции, а также по всему побережью южной Балтики, где жили балтийские славяне.

Эпоха викингов втягивала народы Прибалтики не только в торговые, но и в военные предприятия. Прибалтийские народы, как страдали от пиратских набегов со стороны шведов и датчан, разделяя судьбу других народов Восточной Европы, так и сами пиратствовали. По письменным источникам хорошо известны грабительские войны между датчанами и шведами с одной стороны, и куршами и самбами – с другой. А в языке эстов, которые сами, как и скандинавские викинги, промышляли морским разбоем (в особенности сааремцы) понятия «пират» и «швед» были синонимами. Народы, не имевшие выхода к морю, также не оставались в стороне от военных экспедиций викингов. В погребениях латгалов этой эпохи обнаружено как значительное количество оружия из Скандинавии, так и других привозных предметов, прежде всего, северогерманского происхождения, а также арабских монет. Это свидетельствует не только о широких и тесных торговых связях, но и о возможном участии в военных походах восточных викингов, именуемых в источниках IX – X вв. русами. Участие же в южных экспедициях русов эстов (чуди) прямо зафиксировано русскими летописями. Они неизменно составляли часть дружины Олега Вещего в его походах на Киев и Константинополь.

Не только тесные торговые связи, но и даннические отношения северо-восточных латгальских областей Толовы и Атзеле (Очела русских летописей) с Псковом, возможно были установлены еще в середине X века. Именно здесь в латышском языке сохранилось обозначение административно-территориальной единицы «*pagasts*», от славянского «погост». Так в Киевской Руси назывались опорные пункты княжеской власти для сбора дани, возникшие в результате фискальных реформ княгини Ольги в 947 году. В эти пункты княжеские тиуны свозили установленную дань с окрестных поселений. Такая система сбора дани называлась в средневековой Руси повозом и могла возникнуть лишь на территориях, где власть русских князей была достаточно прочной. Сеть таких же погостов покрыла в результате реформы Ольги всю Киевскую Русь, земли как славянских, так и неславянских народов. И нет ничего удивительного в том, что, по крайней мере, северо-восточная часть Латгалии, имевшая тесные связи с русами в предшествующее время, сохранилась в сфере их интересов и достаточно прочного влияния после возникновения государства. Это подтверждается и арабскими авторами. В сочинениях Ибн-Хаукали (X в.), упомянута некая Итлава, названная «областью русов». У другого автора Ибн-Эль-Варди этот топоним звучит еще ближе к латгальскому названию края – Талава. Показательны и традиционные вассальные отношения Толовы с Псковом, а не с основным центром Северо-Западной Руси Новгородом. Последний возникает лишь в середине X века, когда даннические отношения Толовы с Русью могли уже существовать, и в этом случае ключевую роль в сохранении русской княжеской власти на этих землях играл именно Псков, тесно связанный с Толовой экономически. Нам неизвестно, насколько далеко на юг Латга-

лии распространялась власть русских князей, но, скорее всего, южные области оставались вне сферы их устойчивого влияния. Но в середине X века в верховьях Даугавы возникает и постепенно усиливается другой сильный славянский сосед – Полоцкое княжество.

* * *

Больше всего от набегов викингов страдали прибрежные поселения балтов. Поэтому курши старались строить свои замки не у самого берега, а в нескольких километрах в глубине территории. В VII веке шведам удалось построить морской город – Seeborg, крепость на побережье в землях куршей, которая просуществовала до конца VIII столетия. Затем последовал удар куршей, и крепость была полностью уничтожена. От тех времен в Швеции остались камни с руническими надписями, которые посвящены памяти героев, нашедших свой конец «на востоке».

По предположению шведского историка Биргера Нермана, эти камни могут быть посвящены воинам, павшим от рук куршей в Зееборге. Более того, в шведских преданиях сохранились упоминания о том, что курши даже вмешивались во внутренние дела шведов. Когда два властителя Харальд и Ринг начали войну, в рядах их ратей сражались воины из «восточных земель». Харальда, кроме прочих, поддерживали ливы, а Ринга – курши. Древние саги – эхо отгремевших битв, и вполне возможно, что эта битва имела место в действительности в 750 году. В собрании саг Снорри Стурлуссона «Круг Земной» упоминается некто Торгнюр, который выступил на собрании перед королем Олафом:

Теперь конунги шведов ведут себя совсем не так, как бывало прежде. Торгнюр, мой дед, помнил уппсалтского конунга Эйрика сына Эмунда. Он рассказывал, что когда тот был в расцвете сил, он каждое лето набирал войско и отправлялся походом в разные страны. Он подчинил себе Финнланд, Киргьяланд, Эйстланд, Курланд и многие земли на востоке. Еще и сейчас можно видеть построенные им земляные укрепления и другие сооружения¹⁵.

Еще через сто лет, в 853 году, в Курсу вторгся крупный флот датчан, принадлежавший королю Хориху I. Курши собрали ополчение и ударили на высадившихся датчан. В страшной схватке погибла половина воинов датского короля. Одновременно флот куршей одержал победу и на море, захватив половину датских боевых кораблей. Именно разгром в Курсе стоил королю его власти в Дании.

В саге об Эгиле есть очень яркий эпизод, раскрывающий характер набегов викингов и их взаимоотношения с балтами. Это рассказ о поездке одного из отрядов в земли куршей. Мы приведем его полностью:

«Торольв и Эгиль жили у Торира в большом почете. А весной братья снарядили большой боевой корабль, набрали на него людей и отправились воевать в восточные земли. Они много раз вступали в бой и добыли себе большое богатство.

Приехали они в Курляндию, пристали к берегу и договорились с жителями полмесяца сохранять мир и торговать. Когда этот срок истек, они стали совершать набеги, высаживаясь в разных местах.

Однажды они высадились в широком устье реки. Там был большой лес. Они сошли на берег и, разделившись на отряды по двенадцать человек, углубились в лес. Скоро показалось селение. Здесь они начали грабить и убивать, а жители убегали, не сопротивляясь. К концу дня Торольв велел протрубить отход. Те, кто был в лесу, повернули назад к кораблю с того места, где они находились. Только на берегу можно было пересчитать людей, но когда Торольв вышел на берег, Эгиля там не было. Уже стемнело, и они решили, что искать его невозможно.

¹⁵ См.: Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., Наука, 1980.

Эгиль и с ним его двенадцать человек прошли в лес и увидели широкие поля, а на них строения. Неподалеку стоял двор, и они направились к нему. Придя на двор, они стали врываться в постройки, но не видели там ни одного человека. Они забирали все добро, которое могли унести с собой. Там было много построек, и они задержались надолго. Когда же они оставили двор, их отделила от леса большая толпа, которая приготовилась напасть на них.

От двора к лесу шла высокая изгородь. Эгиль велел своим спутникам следовать за ним вдоль изгороди так, чтобы на них нельзя было напасть со всех сторон. Эгиль шел первым, а за ним остальные, так близко один за другим, что между ними нельзя было пройти. Толпа куров ожесточенно нападала на них, больше всего пуская в ход копыя и стрелы, но за мечи не брались.

Двигаясь вдоль изгороди, Эгиль и его люди сначала не видели, что с другой стороны у них тоже шла изгородь, и она отрезала им путь наискось. В тупике куры стали теснить их, а некоторые направляли в них копыя и мечи из-за изгороди, другие же набрасывали одежду им на оружие. Они были ранены, а потом их взяли в плен, связали и привели на двор.

Хозяин этого двора был человек могущественный и богатый. У него был взрослый сын. Они стали обсуждать, что делать с Эгилем и другими. Хозяин двора сказал, что его совет – убить их, одного за другим. Но сын его сказал, что уже ночь, и в темноте нельзя будет позавтракать, мучая пленников. Он предложил подождать до утра. Тогда их втолкнули в одну из построек и крепко связали. Эгиля привязали к столбу за руки и за ноги. После этого дверь крепко заперли, а сами пошли к себе и ели, пили и веселились.

Эгиль налегал на столб и дергал его до тех пор, пока не вырвал из пола. Столб упал, и тогда Эгиль освободился от него. Потом он зубами развязал себе руки, а когда руки были свободны, он снял путы и с ног. После этого он освободил своих товарищей.

Когда же они все были развязаны, они стали осматриваться и искать выхода. Стены были сложены из толстых бревен, а в одном конце была дощатая перегородка. Они с разбега нажали на эту перегородку, сломали ее и вошли в другое помещение. Здесь также кругом были бревенчатые стены. Вдруг они услышали внизу, у себя под ногами, человеческую речь.

Они оглядели все вокруг, нашли в полу дверь и открыли ее.

Там внизу была глубокая яма. Оттуда и слышалась речь. Эгиль спросил, что там за люди. Тот, кто ответил ему, назвался Аки. Эгиль спросил, не хочет ли он выбраться из ямы. Аки сказал, что они охотно сделали бы это. Тогда Эгиль с товарищами опустили в яму веревку, которой они были связаны, и вытащили наверх трех человек. Аки сказал, что это его два сына, что они датчане и что их взяли в плен прошлым летом.

– Зимой со мной хорошо обращались, – сказал он, – я управлял хозяйством у здешнего бонда, но сыновей моих сделали рабами, и они тяжело переносили это. Весной мы бежали, а потом нас нашли и посадили в эту яму.

– Ты, должно быть, знаешь, как устроен дом, – говорит Эгиль, – как нам выбраться отсюда?

Аки сказал, что в доме есть еще одна перегородка.

– Сломайте ее, и тогда вы попадете в ригу, а оттуда можно легко выйти.

Эгиль с товарищами так и сделали. Они сломали перегородку и вышли в ригу, а оттуда наружу. Была безлунная ночь. Спутники Эгиля говорили, что нужно спешить в лес. Эгиль сказал Аки:

– Ты ведь знаешь здешнее жилье, покажи, где бы нам раздобыть что-нибудь из добра.

Аки говорит тогда:

– Здесь немало добра. Вот большой чердак, где спит хозяин. Там полно оружия.

Эгиль велел отправиться на чердак, а когда они поднялись по лестнице наверх, они увидели, что дверь открыта, внутри горит свет и слуги стелют постели. Эгиль оставил нескольких человек снаружи следить, чтобы никто не вышел. Сам он ворвался внутрь и схватил оружие, которого там было вдоволь. Они убили всех людей на чердаке. Все они взяли себе оружие.

Аки подошел к тому месту, где в половицах была дверь, открыл ее и сказал, что они должны спуститься вниз, в клеть. Они взяли светильник и пошли туда. Там хранились сокровища бонда – драгоценные вещи и много серебра. Люди нагрузились и понесли, что взяли. Эгиль взял большой кувшин для браги и потом нес его под мышкой.

Они двинулись к лесу, а когда они пришли в лес, Эгиль остановился и сказал:

– Мы поступили не так, как надо. Воины так не поступают: мы украли добро бонда. Не должно быть на нас такого позора. Вернемся обратно, и пусть они знают, что произошло.

Все возражали Эгилю и говорили, что надо спешить на корабль.

Тогда Эгиль поставил кувшин на землю и бегом пустился обратно. А когда он пришел на двор бонда, он увидел, что слуги выходили из главного дома и переносили оттуда в другой дом подносы с едой. В очаге горел большой огонь, а над ним висели котлы. Эгиль вошел в главный дом. Огонь был разведен так, как было принято в этой стране: был зажжен один конец бревна, и от него постепенно сгорало все бревно. Эгиль схватил это бревно, понес его к тому дому, где сидели люди за едой, и стал совать горящий конец бревна под стреху, крытую берестой. Береста быстро загорелась, но люди, которые сидели внутри и пили, ничего не замечали до тех пор, пока пламя не охватило всю крышу и не проникло внутрь. Тогда они бросились к дверям, но выйти оттуда было не так-то просто: выход загораживали бревна, и, кроме того, там стоял Эгиль. Он убивал и тех, кто показывался в дверях, и тех, кто успевал убежать. Но очень скоро горящая крыша рухнула. Там погибли все, кто был в доме.

Эгиль же вернулся к своим спутникам. Они пошли все вместе на корабль. Эгиль сказал, что кувшин, который он нес, он хочет оставить себе как добычу предводителя. А кувшин-то был полон серебра.

Торольв и все другие очень обрадовались, когда Эгиль вернулся. Как только рассвело, они отчалили.

Аки с сыновьями остались в отряде Эгиля.

В конце лета они поплыли в Данию, нападали на торговые корабли и грабили везде, где удавалось»¹⁶.

Древние курши были умелыми моряками, отважными воинами. Эти латышские викинги совершали дальние походы в земли славян и датчан, сражались на своей земле со скандинавскими нападками. По одной из гипотез, не обошелся без участия куршей и знаменитый набег на шведскую столицу Сигтуну в 1187 году. Тогда объединенный флот язычников (карелов и эстов) дочиста опустошил и разграбил город. Шведская хроника Эрика повествует о том разорении:

До Сигтуны раз дошли корабли.
Город сожгли и исчезли вдали.
Спалили дотла и многих убили.
Город с тех пор так и не возродили.

Ничего не известно о том, участвовали ли курши в этом страшном для шведов набеге. Но совсем исключать данную версию тоже не следует. Имея сильный морской флот, курши часто появлялись у берегов Дании, Швеции, Готланда. В Ливонской хронике Генриха Латвийского есть упоминание о походе 1195 года, возглавляемом шведским герцогом, как считают ученые, ярлом Биргером Броса, против куршей:

«Тогда же епископ, вместе со шведским герцогом, тевтонами и готами, напал на куров, но бурей их отогнало в сторону».

¹⁶ Сага об Эгиле. СПб., 1999. С. 134 – 139.

Битва с куршским флотом, по-видимому, не состоялась. Известно, что шведы в тот раз высадились у берегов Виронии (Вирумаа) и разграбили ее.

Новгород и Эстония. Два столетия соседства

«Иде Ярослав на Чюдѣ, и победи я, и постави градъ Юрьев». Эта короткая запись «Повести временных лет» под 1030 годом обычно считается первым свидетельством русского проникновения в Эстонию. На самом деле все начиналось гораздо раньше. Ведь до прихода славян всю Новгородскую землю заселяли финно-угорские племена – близкие родственники эстонцам и ливам – водь, весь, чудь заволочская. И уже само расселение здесь славян и возникновение древнерусских городов Новгорода, Пскова, Изборска было постепенным проникновением в прибалтийско-финскую среду. Культура местных народов становилась частью культуры Псковско-Новгородской земли.

Юрьев (город назван по крестильному имени князя Ярослава) был основан на месте сожженного Ярославом торгово-ремесленного поселения эстов, в научной литературе именуемого Тартуским городищем. Здесь начинался торговый путь из Пскова в Прибалтику, хорошо освоенный уже в эпоху викингов. Поход Ярослава на эстов и строительство Юрьевской крепости хронологически совпадает с другими похожими событиями. По свидетельству ПВЛ, в те же 30-е годы Ярослав пленил и заключил в подземную тюрьму – поруб своего младшего брата Судислава, княжившего во Пскове. При этом археологи фиксируют относящийся примерно к этому времени пожар на Псковском городище, за которым последовала серьезная перепланировка города, был разрушен городской могильник, по которому прошли мостовые улиц и возникли городские усадьбы. К этому же времени относят и появление значительного количества привозных вещей из Южной Руси. То есть сам Псков в 30-е годы фактически повторяет судьбу эстонского Тартуского городища, и эта взаимосвязь не может быть случайной. На это же время падает и арест киевским князем новгородского посадника Константина Добрынича, впоследствии погибшего в Ростове. Все эти три события находились в русле политического курса киевского князя, стремившегося упрочить свое единовластие во всей Киевской Руси. Связи же новгородцев и псковичей с жителями Тарту возникли намного раньше, хотя мы не можем точно сказать, были ли это просто торговые контакты, или жители восточной Эстонии платили дань.

После смерти великого киевского князя Ярослава, в 60-е годы XI века его политику попробовал продолжить его сын и преемник Изяслав. Возглавленный им поход направлен уже против жителей другой эстонской области Саккалы, в летописи именуемых «сосолы», завершился возложением на них дани в 2000 гривен. Однако столь непомерная дань вызвала восстание. По свидетельству летописца эсты *«изгониша данники... На весну же прииде, повоеваша Юрьеве и град и хоромы пожгоша... и до Пскова доидоша, идоша противу нѣ псковичи и новгородцы на сечу и паде Руси 1000, а сосол бес числа»*¹⁷. В этом бою погибает новгородский посадник Остромир – заказчик знаменитого «Остромирова евангелия». После этого сражения около 50 лет летописи не фиксируют ни одного столкновения русских с эстами. Скорее всего, Юрьев-Тарту остался в руках последних. Киевская Русь с конца 60-х – начала 70-х годов вступила в полосу усобиц, а новгородцы, видимо, строили свои отношения с Эстонией в традициях периода до Ярослава Мудрого. Новая волна экспансии связана с именем князя Мстислава Владимировича. Походы в Прибалтику он начинает еще во время своего новгородского княжения. В 1111 году он совершает поход на Очелу (латгальская Атзеле), в 1113 году одерживает победу уже над эстами, а в 1116-м захватывает Оденпе – крепость, именуемую в русских летописях Медвежьей Головой. Уйдя на киевский стол, Мстислав продолжает активную военную политику в Прибалтике. В 1130 году совместно с коалицией южнорусских князей он совершает новый поход на эстов, итогом которого стало обложение их данью. Затем походы на

¹⁷ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. III. М., 2000. С. 31.

эстонские области совершал уже сын Мстислава новгородский князь Всеволод. Первый из них был неудачным, в эстонской области Вайга войско Всеволода терпит поражение, но через два года берет реванш за него. 9 февраля 1134 года новгородцы вновь овладели Юрьевом. После взятия города походы в Эстонию прекращаются, вероятнее всего восточная Эстония оказалась в даннической зависимости от Новгорода.

В 1177 году эсты совершают грабительский набег на Псковскую землю. Сам набег был отбит псковичами, однако, последовавшие за ним события красноречиво свидетельствуют о том, что он стал логическим завершением очередного восстания против власти Новгорода. Новгородским князьям последующие 15 лет пришлось завоевывать этот край заново. В 1180 г. новый поход на латгалов и эстов («на Чюдъ, на Очелу») совершает новгородский князь Мстислав Храбрый. *«И пожже всю землю их, а сами отбегоша к морю, и ту их досыта паде»*, – сообщает летописец, указывая тем самым, что в борьбе с Новгородом участвовали и эсты из приморских областей, ранее не бывших его данниками. Но Мстислав в том же году умирает, последующие годы в Новгороде идет острая внутривластная борьба, и походы прекращаются. В 1190 году псковичи захватили на Чудском озере семь кораблей тех же поморских эстов из Виронии, видимо, направляющихся в пиратский набег. Решающий поход совершает новый новгородский князь Ярослав Владимирович. В 1192 годы его войско вновь овладевает основными опорными пунктами новгородцев в Унганди – Юрьевом и Оденпе. Однако другие эстонские области к моменту прихода крестоносцев остаются независимыми.

«Кривичи на Двинском пути». Полоцк и прибалтийские земли в XI – XII вв.

Возникновение Полоцкого княжества овеяно легендами. Юный Владимир Святославич, впоследствии креститель Руси, сватался к прекрасной Рогнеде, дочери полоцкого князя Рогволода. В оскорбительной форме она отказала ему, заявив, что не хочет «розути робичича» (по летописи матерью Владимира была ключница княгини Ольги Малуша). Разгневанный князь захватил Полоцк, сжег его, убил отца и братьев Рогнеды, а ее насильно увез в Киев и сделал своей женой. Это было в 980 г. Но через восемь лет князь Владимир ввел в терем другую жену – византийскую принцессу Анну. Терзаемая ревностью, Рогнеда пробралась в спальню мужа, чтобы убить его. Но он поймал ее с поличным, и только заступничество старшего сына, маленького княжича Изяслава, спасло княгиню от смерти. Смягчив свой гнев, киевский князь выделил матери и сыну в удел родной город Рогнеды Полоцк и отправил их туда на княжение. В действительности все было не так. Владимир никуда не отсылал первую супругу в 988 году, женившись на Анне. Двое из сыновей Рогнеды Ярослав и Всеволод родились после этой даты. Но в легенде как всегда есть доля правды. Потомки Изяслава Владимировича приняли родовое имя Рогволожичи в честь убитого Владимиром отца Рогнеды. И дело тут, конечно же, не в семейном скандале. А в том, что полоцкие князья, таким образом, не признавали старшинства киевских, делали заявку на политическую независимость.

Реально Полоцкое княжество, возникшее как удел в составе Киевской Руси, получило ее после смерти Владимира Святославича в 1015 году. Вероятно, князь Брячислав Изяславич воспользовался борьбой за власть между его наследниками, чтобы выйти из подчинения Киеву. Известная исландская сага «Прядь об Эймунде» сохранила сведения о его участии в этой войне. А по заключенному в 1021 году договору полоцкий князь уже выступает как «равный» киевскому, а не его вассал или «молодший». Основанный как торговый центр на Двине, Полоцк сразу после обретения самостоятельности начинает борьбу за торговые пути. Его главным соперником в этой борьбе становится Новгород. Добиваясь уступок, Брячислав в 1021 году захватил и подверг разграблению северную столицу Руси, в числе военной добычи оказалась даже княгиня Ингигерд, жена великого князя Ярослава Владимировича. Хотя летопись сообщает, что устремившемуся вдогонку Ярославу удалось силой освободить супругу и отнять у племянника награбленное, но заключенный вслед за этим договор был полной дипломатической победой Брячислава. В обмен на мир и обязательства по военному союзу Ярослав уступал полоцкому князю две стратегически важные крепости Витебск и Усвят, стоявшие на пересечении торговых путей в Новгород, Смоленск и Ростов. Лишь закрепившись на этом рубеже, полоцкие князья могли начать долгую и нелегкую борьбу за установление контроля над Двиной – главной водной магистралью региона, ключом к Варяжскому морю.

Уже Брячислав обозначил северо-западную границу своих владений строительством крепости своего имени Брячиславль (совр. Браслав) в землях, заселенных литовцами и латгалами. Но основные успехи полочан на этом направлении были достигнуты в эпоху княжения его сына Всеслава Брячиславича, князя, о котором слагались былины, и который еще при жизни имел репутацию волхва и чародея. В учебниках по русской истории мы обычно встречаем подробный рассказ о событиях 1067 – 1069 гг., когда Всеслав, вероломно захваченный в плен киевским князем, был освобожден и поднят на щит восставшими киевлянами, а затем семь месяцев княжил на киевском столе. Известно, что после бегства из Киева ему пришлось три года быть изгоем, пока в 1071 году он не вернул себе родной Полоцк. Но вся эта война заняла всего лишь пять лет из более чем полувекового княжения Всеслава-Чародея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.